

Победителем турнира по сватовству оказалась Юй Минчэнь, хотя, можно сказать, что победителя и не было вовсе. Мечта жениться на первой красавице мира боевых искусств по-прежнему оставалась недостижимой.

Сюэ Чэнби, вне себя от ярости, рассмеялся и, глядя на холодное лицо Юй Минчэнь на помосте, сказал:

— Ловкий приём. Этот счёт я запомню, и однажды ты вернёшь его вдвойне.

В день окончания турнира по сватовству Юй Минчэнь, вне себя от гнева, удалилась. Мужун Чанъин устроил прощальный пир. В ту ночь в Горной вилле Мужун царил необычайное оживление. Ся Суйцзинь подобрался поближе к Юэ Тяньсинь и с беспокойством спросил:

— Сюэ Чэнби тоже ушёл. Он ведь не пойдёт за Сяо Юэ...

Он сделал движение, словно рубит левой рукой, и с содроганием произнёс:

— ...вот так, правда?

Юэ Тяньсинь холодно усмехнулась:

— Если ты так о ней заботаешься, оставь дела с Жетоном Девяти Драконов и беги защищать её.

Эти слова заставили Ся Суйцзиня отпрянуть обратно на пиршество. Угрюмо он хлебнул вина из чаши и уже собрался налить вторую, как Юй Фан забрал у него винный кувшин и заменил его на кувшин со свежесваренным лёгким чаем.

Ся Суйцзинь вздохнул:

— Женские мысли поистине трудно уловить. Ладно, не буду вмешиваться. Мне лишь нужно подумать, как вернуть «Жетон Девяти Драконов».

«Жетон Девяти Драконов» был занозой для них обоих, каждый раз при упоминании коловшей сердце болью.

Ся Суйцзинь сказал:

— Я не спрашиваю тебя, кто тот старший, и знаю, что ты не скажешь, но я смогу это выяснить. Дальше ты не мешай. Это распря между императорским двором и миром боевых искусств, не детская игра. Я не хочу, чтобы ты впутывался.

Юй Фан не издал ни звука. Какое выражение было у него на лице под маской, Ся Суйцзинь не мог и угадать. Он выпил чашку лёгкого чая, голова прояснилась, и взгляд его медленно переместился на Мужун Чанъина вдалеке. С первого взгляда он узнал в нём того человека с флейтой, встреченного той ночью у подножия искусственной горы.

Та мелодия флейты... теперь он вспомнил, почему она показалась знакомой. В тех немногих воспоминаниях, что остались от времени с матушкой, та часто обнимала его, маленького, и учила играть мелодии. Матушка не разбиралась в музыке, но одну песню, «Песнь о красных бобах», исполняла превосходно.

В эту ночь в Горной вилле Мужун царили музыка и песни, грохот барабанов и звуки музыки оглушали — самое время, когда в суматохе легко что-нибудь потерять, и остаётся только пенять на себя.

Ся Суйцзинь выпил несколько чашек лёгкого чая, притворившись, что не может справиться с хмелем, и Шэнь Наньчи взвалил его на плечо, чтобы отнести во Двор Люсюэ.

Шэнь Наньчи бормотал себе под нос:

— Не умеешь пить — не пей, напьёшься — только проблемы создашь. Не пойму, зачем тебе понадобилось тащиться за тридевять земель на Горную виллу Мужун. У тебя и так красавиц не счесть, к тому же Юй Минчэнь хоть и красива, но и взгляд у неё придиричивый, на хромого она не посмотрит, так что оставь эту затею. По-моему, госпожа Юэ к тебе равнодушна, хочешь, поспедействую? ...Хотя, пожалуй, не стоит. Кто знает, какие девушки тебе по нраву, не буду совать нос не в свои дела.

Ся Суйцзинь в душе недовольно фыркнул: «А что такого в хромом? Я всё-таки князь, а ты — бедный управляющий. Какая девушка на тебя посмотрит? Так тебе и надо, век одиноким оставайся».

Его аккуратно уложили на кровать, сняли обувь и носки, укрыли одеялом. В ушах ещё отдавались вздохи Шэнь Наньчи.

Ся Суйцзинь украдкой приоткрыл веко и подумал: «Прости, потом подарю тебе красавицу». Он согнул палец и выстрелил серебряной иглой в колено Шэнь Наньчи.

Шэнь Наньчи лишь почувствовал, как колено внезапно пронзила боль, тело его пошатнулось вперёд. Он только собрался опереться на стол, как в тот же миг вторая игла вонзилась ему в затылок. В глазах потемнело, он ударился о угол стола и потерял сознание.

Ся Суйцзинь спрыгнул с кровати, с жалостью погладил быстро распухшую шишку на лбу Шэнь Наньчи и принялся извиняться:

— В этот раз я виноват. Виноват во всём Мужун Чаньин, который протянул руку за тем, что ему не принадлежит. В моей усадьбе есть несколько мудрых и нежных девушек, подожди, пока я закончу свои дела, вернусь в усадьбу и всех их отправлю в твои объятия, чтобы тебе не было холодно в постели в такие морозные дни.

Устроив Шэнь Наньчи, Ся Суйцзинь переделся в тёмную короткую одежду и тайком выскользнул за дверь.

Луна сияла ярко, звёзд было мало, её чистый свет заливал Горную виллу Мужун, словно снежным покровом. Ся Суйцзинь смешался с толпой у Озера Инсюэ и, крадучись, проник в домик на берегу. Мужун Чаньин в это время принимал гостей на пиру, поэтому в пустом домике не было ни души. В лунном свете смутно виднелись аккуратно расставленные алебарды, копья, мечи и другое оружие.

Подобрав маленький камешек, он бросил его внутрь. Услышав звук перекачивания, он убедился, что ловушек нет, и тогда на цыпочках подошёл к окну, приоткрыл его и впрыгнул в комнату Мужун Чаньина.

Комната была до крайности простой, спрятать что-либо здесь было негде. Ся Суйцзинь немного поискал и начал проверять, нет ли потайных отделений или комнат. Сдвинув с книжной полки фарфоровое блюдо с флейтой, он, как и ожидал, обнаружил, что книжный шкаф медленно отъехал, открыв чёрный, как пасть, проход.

Ся Суйцзинь достал огниво и в мерцающем свете осторожно ступил в проход. Немного

пошарив, он обнаружил, что это очень маленькая потайная комната. Стены были каменными, внутри стояли лишь стул, кровать да висевшая в изголовье картина.

На той картине была изображена играющая на флейте красавица в лёгких одеждах и водяных рукавах, стоящая на берегу реки. Лицо красавицы было лицом его матушки, Юй Цяньсюэ.

Неужели между ними и вправду была связь?

Ся Суйцзинь с внутренним ужасом подумал: «Если бы Юй Цяньсюэ вышла замуж за Мужун Чаньина, пришлось бы мне сменить фамилию на „Мужун“ — Мужун Суйцзинь? Хм... а может, меня бы и вовсе на свете не было». Он с содроганием похлопал себя по груди: «Хорошо, что Юй Цяньсюэ не была слепа».

Как раз в этот момент из прохода донёлся странный звук. Ся Суйцзинь тут же задул огниво, скатился под кровать и подумал: «Неужели Мужун Чаньин вернулся так быстро?»

Вскоре из прохода вышла пара вышитых золотыми цветами зимней вишни туфель, жёлтая подол юбки плавно колыхнулся. Это была не Мужун Чаньин. Неужели... любовница?

Он наклонил голову и украдкой взглянул. В тусклом свете свечи можно было разглядеть лишь пару прекрасных, блестящих глаз с ярко-алой точкой-родинкой между бровей. Половина лица была скрыта под покрывалом.

Лишь одного этого взгляда хватило, чтобы веки Ся Суйцзиня задрожали. Всё потому, что наряд этой женщины был точь-в-точь как у Юй Цяньсюэ на картине. Неужели Мужун Чаньин, истая от тоски по Юй Цяньсюэ, нашёл похожую женщину, чтобы облегчить муки любви?

Женщина достала из рукава маленький изящный золотой курильщик, зажгла благовоние, поставила его в угол потайной комнаты, затем села на стул и начала играть на флейте.

Звуки флейты были печальными и тягучими, словно нити, опутывающие сердце. Это была та самая «Песнь о красных бобах».

Мужун Чаньин даже эту мелодию ей преподал. Однако Ся Суйцзиня больше интересовало, что же она задумала? Похоже, она ждёт любовника. Неужели она ждёт Мужун Чаньина?

Ся Суйцзинь недолго ломал голову, потому что Мужун Чаньин вскоре вернулся в потайную комнату. Увидев женщину в клубах дыма, он с безумным восторгом воскликнул:

— Цяньсюэ!

В этот момент во всей потайной комнате витал едва уловимый аромат. Ся Суйцзинь уже давно прикрыл нос и рот, сознание его было ясным, а вот Мужун Чаньин, похоже, был совсем не в себе, приняв женщину за «Юй Цяньсюэ».

Женщина опустила флейту и тоже с безумным восторгом уставилась на Мужун Чаньина, позвав:

— Старший брат Мужун...

Этот зов был полон нежности, переполнен невысказанной тоской любовной печали, отчего у Мужун Чаньина сердце готово было разорваться. Он бросился вперёд, обнял женщину и сквозь покрывало поцеловал её в губы.

Эти двое были словно безумные влюблённые, не в силах сдержать чувств, достигших глубины. Вместе они принялись рвать друг с друга одежду и повалились на кровать. Сорванная жёлтая юбка упала совсем рядом. Ся Суйцзинь, прятаясь под кроватью, почувствовал тошноту, поспешил отодвинуть юбку подальше и сам отполз. Он как раз ломал голову, как бы выбраться, как над ним внезапно послышались усиливающиеся шорохи, а в уши отчётливо стали доноситься томные стоны и чарующее прерывистое дыхание. Вскоре лицо Ся Суйцзиня покраснело сильнее, чем от румян.

Он мучительно размышлял, сколько ещё придётся терпеть, но в этот момент услышал, как женщина, прерывисто дыша, спросила:

— Старший брат Мужун, почему ты не искал меня?

Мужун Чанъин тяжело дышал, казалось, он что-то сдерживал:

— Я не знал, где ты. Я искал тебя очень долго. Кто-то сказал мне, что с «Жетоном Девяти Драконов» я смогу тебя найти, но я и представить не мог... что ты сама придёшь ко мне...

Вот оно!

Ся Суйцзинь воспрянул духом и уже собрался слушать дальше, как вдруг женщина страстно вскрикнула:

— Старший брат Мужун, помедленнее... Я... я не выдерживаю...

Ся Суйцзинь: ...

Он слушал ещё какое-то время, прерывистые звуки доносились до его ушей, а затем женщина, полная тысяч чар и сотен прелестей, произнесла:

— Что же это за штука такая — «Жетон Девяти Драконов», раз такая чудесная? Могу я одним глазком взглянуть?

Верно! Вероятно, в этом и была её цель!

Наверху на мгновение воцарилась тишина, затем раздался глухой звук открывающегося предмета, и Мужун Чанъин сказал:

— Это и есть Жетон Девяти Драконов.

— Если не сейчас, то когда же?!

Ся Суйцзинь, кувыркнувшись на месте, выкатился из-под кровати и громко крикнул:

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16190/1452520>